

Морозова И. Б.,

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖНОЙ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (на материале современного английского романа)

В фокусе проведенного исследования находится проблема синтаксической структуры литературного текста, рассматриваемая на уровне персонажного диалога. Работа посвящена изучению речевых стратегий и преобладающих прагматических типов простого предложения в плане их употребления в диалоге соответственно принципу вежливости. Делается вывод о зависимости выбора прагматического типа высказывания от социальной принадлежности говорящего.

Ключевые слова: прагматический тип, речевая стратегия, коллаборатив, компетитив, конфликтив, конвиал, социальная принадлежность.

У фокусі проведеного дослідження знаходиться проблема синтаксичної структури літературного тексту, як вона реалізується на рівні персонажного діалогу. Робота присвячена вивченню мовленнєвих стратегій та преобладаючих прагматичних типів простого речення в плані їх використання в діалозі згідно з принципом ввічливості. Зроблено висновок про залежність вибору прагматичного типу висловлення від соціальної приналежності мовця.

Ключові слова: прагматичний тип, мовленнєва стратегія, коллаборатив, компетитив, конфліктив, конвівал, соціальна приналежність.

The investigation looks at the problem of syntactic structure of the literary text as it is realized on the level of the personage dialogue. The presented work is dedicated to the study of speech strategies and dominating pragmatic types of simple sentences used by the speaker in dialogue according to the principle of politeness. A conclusion is made about the dependence of choice of the pragmatic type on the social grounding of the speaker.

Key words: pragmatic type, speech strategy, collaborative, competitive, conflictive, convivial, social grounding.

Антропологический и когнитивный подходы к изучению языка предполагают исследование речевых произведений индивида, во-первых, с позиций взаимоотношения языка и мышления, а во-вторых, путем анализа языка сквозь призму речи говорящего. Начиная с XIX века и по сей день представители различных научных направлений едины во мнении, что внутренний мир человека отражается в его речи. Такой подход четко охарактеризовал философ-экзистенциалист М. Хайдеггер: “Я есть то, что я говорю” [14, с. 54]. Личностная значимость говорящего формируется в процессе взаимодействия индивида с системой языка. При этом, речь аккумулирует не только психологические, но и социальные свойства индивида.

В данной работе наше внимание сосредоточено на художественном персонаже как целостном образе, “модели человека”, поскольку именно такой подход максимально соответствует целям нашего исследования. Отметим, что, осуществляя выборку речевых образцов диалогической речи персонажей из произведений различных авторов, исследователь получает вполне объективный фактический материал для анализа, в основных чертах отражающий специфику разговорной речи.

Очевидно, что для объективного лингвистического анализа парадигмы речевого общения в модель речевой коммуникации необходимо ввести личность коммуниканта. Так, Ю.Н. Караулов вводит в научный оборот термин “языковая личность” [4, с. 5].

В настоящей работе разделяется мнение Ю.Н. Караулова о том, что художественный текст, как продукт литературной коммуникации, является идеальной моделью для исследования языковой личности.

Объектом изучения является персонаж художественного произведения как совокупность психологических и социальных характеристик. Интерес к социолингвистическим проблемам усилился в последние десятилетия в связи с развитием современного общества, стремлением к нивелированию социально-классовых отличий, изменением социальной роли человека в целом. Однако, несмотря на проведенные в этой области исследования [3; 9; 10; 13; 17; 22 и др.], некоторые аспекты социальной детерминированности речи говорящего требуют дополнительного рассмотрения и уточнения, что и определяет актуальность данного исследования.

В современной лингвистике на основе разработанной Ю.Н. Карауловым теории языковой личности проводятся исследования, в которых в качестве объекта выступают как реальный носитель языка, так и участники диалога художественного текста. Создавая свой мир, некую квази-реальность, писатель творчески типизирует жизнь, описывая окружающую действительность посредством художественных образов. Говорящий персонаж (“литературный герой”) рассматривается как “целостный образ человека” (подход Л.Я. Гинзбург). Персонаж воспринимается читателем как “серия последовательных появлений или упоминаний одного лица; изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях, авторский анализ” [2, с. 329].

Предмет анализа настоящей работы – различные прагматические типы простого предложения английского языка, которые рассматриваются как типичный продукт речевой деятельности говорящего, творца сообщения. При этом, каждый из субъектов (автор, читатель, персонаж) может рассматриваться как особая модель реальной языковой личности. Речевое поведение конкретного индивидуума детерминируется его социальной ролью, навыками речевого общения, задачами общения и т.д.

Исследование проведено в русле антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований художественного произведения с акцентом на рассмотрение предложения как продукта речевой деятельности. Анализ персонажной речи на материале простого предложения продиктован следующими соображениями. Прежде все-

го, простое предложение в художественном диалоге является структурно доминирующей единицей сообщения и, по нашим данным, составляет 56,5% от всего корпуса персонажных высказываний [7]. Кроме того, моно-предикативное простое предложение является центральной единицей синтаксиса, обеспечивая выход в более сложные синтаксические структуры. По своему уровневому положению простое предложение занимает пропозиционный уровень в уровневой системе языка (от лат. *propositio* – суждение) и, таким образом, является основным способом вербального кодирования информации.

Поскольку человеческая деятельность носит, как правило, совместный характер и подразумевает кооперацию целей и стратегий их достижения, интерактивность личностей на основе знаковых средств находит свое выражение в особых, характерных для индивидуума, прагматических типах предложений [20, с. 35]. Таким образом, непосредственной целью настоящего исследования является рассмотрение прагматических типов простого предложения в плане их социальной детерминированности и установление закономерностей употребления того или иного типа в зависимости от социальной принадлежности персонажа.

Очевидно, что обмен информацией осуществляется между коммуникантами, являющимися, с точки зрения их общественного положения, представителями часто различных социальных слоев общества. В этой связи, важное значение приобретают понятия микро- и макросоциальной среды. В социолингвистике понятие макросоциальной среды предполагает наиболее резкое речевое расхождение между представителями определенных кругов. Социальный статус носителя языка влияет на речевое поведение индивидуума и во многом предопределяет выбор тех или иных коммуникативных речевых форм. Индивидуальный характер персонажа связан с его полом, возрастом, интеллектом, уровнем образованности, профессией, государственной и социальной принадлежностью, то есть с характерными признаками личности. Отсюда и персонажная речь в художественном произведении, как и речь индивида вообще, имеет свои, отличные от других, социо-психолингвистические особенности. Как замечает М.Я. Блох: “Писатели, если только они являются настоящими художниками слова, отлично знают это, наблюдают такую речь и отражают ее в своем творчестве. Однако художественная речь писателя по своему статусу отличается от обиходной речи... . Задача использования языковых средств писателем заключается в легкой форме, будь то образ персонажа или любого предмета и явления, преломленного авторским воображением в составной элемент его произведения” [1, с. 28].

Персонажная личность, как и любая личность вообще, “...не просто приспосабливается к среде обитания, а выделяет себя из окружения, чтобы осознанно и избирательно связать себя с ним” [23, с. 66]. Языковая личность возникает не извне, а изнутри диктуемой целесообразности, путем превращения осваиваемой общественной культуры в творческую индивидуальную языковую деятельность. В то же время, выбор определенного прагматического или синтаксического типа коммуникативных единиц мы не считаем “личностным выбором” [15, с. 311]. Это выбор среди неопределенных, далеко не всегда осознаваемых альтернатив, критерии которого вырабатываются у языковой личности на подсознательном уровне и всякий раз меняются в зависимости от интер- и экстраличностных факторов. В этом плане таксономия коммуникативных единиц личности концептуально коррелируется с “личностным конструктом” персонажа, в котором преломляется, предвосхищается личностная модель речевого общения.

По определению Е.В. Руденского, “социальный статус характеризует позицию человека в социальной общности, ее права, обязанности, престиж, полномочия и т.д.” [11, с. 155]. Социальный статус отражает место, занимаемое личностью в социальной структуре, ее национальную, классовую принадлежность, ее экономическое, правовое положение, профессиональную характеристику, образовательный, культурный уровни. Таким образом, социальная стратификация является внешней формой организации общественного языка в определенный исторический период, а сам процесс речевого общения включается в социальные отношения коммуникантов и является его неразрывной частью. Отсюда, кодирование информации в предложении определяет представление единиц сообщения в виде таксономии распознаваемых ментальных моделей, типичных для данного языка.

При исследовании влияния фактора социальной принадлежности говорящего на его речь, персонажи художественных произведений были условно разделены на три группы: “элита”; “рабочие и служащие” и “люмпен” [7, с. 206-208].

Элита (от франц. *elite* – избранный) в широком значении – лучшая часть любой социальной, этнической или профессиональной группы. В настоящей работе этот термин используется в узком смысле – группа людей с высшим образованием, занимающая ведущее положение в различных сферах человеческой деятельности.

Люмпен – деклассированные, опустившиеся элементы, имеющие низкий уровень образования или не имеющие его вообще.

Между указанными выше социальными оппозициями существует определенная прослойка, названная в работе “средний класс”. Последняя тяготеет либо к элите, либо, наоборот, в зависимости от условий существования, к люмпену. Исходя из сказанного выше, к “элите” относим аристократию, священников, представителей высших слоев общества, как-то: солидные бизнесмены, юристы и другие люди, имеющие высшее образование. К категории “средний класс” отнесены рабочие, фермеры, мелкие клерки, представители бытового обслуживания и др. В категории “люмпен” в работе рассматривались представители “социального дна”, личности, обладающие минимумом или вообще не имеющие образования, типа: чистильщик обуви, торговец зеленью, полуграмотная служанка и тому подобные [6, с. 166].

Все перечисленные свойства социальных групп накладывают отпечаток на их общий язык и речевые манеры, устанавливается общая языковая дисциплина и единый языковой обычай. Этот фактор, в свою очередь, предопределяет язык и речевое поведение индивидов в процессе их взаимоотношений в той или иной общности.

Содержательная эгоцентричность высказывания говорящего не только придает ему и его речи особые, характерные черты, но и определенным образом социализирует его, “вписывает” его в общество и окружающую

его социальную среду. Прагматическое стремление быть понятым трансформируется в когнитивную стратегию понять того, кто должен понять тебя. В настоящей работе разделяем мнение Е.В. Тарасовой. На основе теории социо-психолингвистического взаимодействия автор предлагает три категории такой стратегии, а именно:

- 1) речевая конвергенция – уподобление речи адресанта и адресата или их взаимодополнение;
- 2) речевая дивергенция – поддержание различий коммуникативного поведения;
- 3) поддержание коммуникативного равновесия. Говорящий не изменяет свои речевым привычкам по той или иной причине [12, с. 6].

В процессе исследования 8000 простых предложений, отобранных из персонажных диалогов, было обнаружено, что поддержание коммуникативного равновесия является доминирующей стратегией общения (63,6 % случаев). Речевая конвергенция засвидетельствована в 32,1 % случаев, а случаи дивергенции в процессе общения весьма редки – 4,3 %.

В плане прагматической классификации используемых в процессе общения коммуникативных единиц обоснованным представляется рассмотрение их в соответствии с принципом “поддержания вежливости” [19, с. 134]. Категория вежливости отвечает социальной цели вербального общения, состоящей в избегании конфликтов между коммуникантами. Дж. Лич предлагает следующую таксономию прагматических типов предложений:

- *коплетитив* (иллокутивная цель конкурирует с социальной: приказы, вопросы, требования, просьбы);
- *конвивиал* (иллокутивная цель совпадает с социальной целью: предложения, приглашения, приветствия, поздравления);
- *коллаборатив* (иллокутивная цель безразлична для социальной цели: утверждения, сообщения, объявления, информирование);
- *конфликтив* (иллокутивная цель находится в конфликте с социальной целью: угрозы, обвинения, проклятия, выговоры) [18, с. 104].

Анализ конкретных персонажных диалогов сквозь призму их социальной принадлежности установил, что художественные персонажи, представители различных социальных групп, по-разному подходят как к самому предмету речевой коммуникации, так и к предметно-знаковым коррелятам личностного смысла в форме высказываний-предложений (см. Таблицу 1).

Таблица 1
Прагматические типы простого предложения в аспекте их социальной детерминированности

	Прагматический тип	Частотность, %		
		Элита	Средний класс	Люмпен
I.	Коллаборатив	44,4	40,4	34,6
II.	Компетитив	28,2	27,6	32,0
III.	Конвивиал	18,3	17,3	10,1
IV.	Конфликтив	9,1	14,7	23,3
	Всего	100	100	100

Примеры к таблице 1:

I.

1. – *I'm more than happy to help you* [30, с. 44].
2. – *It's nearly six o'clock* [29, с. 51].
3. – *The work's done* [27, с. 28].

II.

1. – *Will you order me a car, Stevens?* [30, с. 70]
2. – *Can I come later, sir?* [31, с. 21]
3. *I demand my mon'! That's it!* [24, с. 68]

III.

1. *Welcome to the Silver Hills!* [33, с. 42]
2. – *You may go, Mary. – Thank you* [32, с. 42]
3. – *See ya!* [34, с. 28]

IV.

1. – *Damn it! Where's the girl?* [28, с. 37]
2. – *I'll beat you black and blue, Tom!* [26, с. 38]
3. – *I'll show yer! Yer all beaten now* [25, с. 44].

Приведенные выше данные исследования наглядно демонстрируют различие в сознательном выборе прагматического типа предложения художественными персонажами – представителями различных социальных групп. Языковая система обеспечивает каждой языковой личности равные возможности в реализации коммуникативной цели. Однако пути выполнения коммуникативной задачи в процессе общения будут различными у представителей той или иной социальной среды.

Наиболее частотным прагматическим типом во всех социальных группах является коллаборатив (элита – 44,4 %; средний класс – 40,4 %; люмпен – 34,6 % соответственно). Обнаруженную закономерность объясняем с общих позиций прагматической лингвистики. Речевая коммуникация направлена на согласование деятельности коммуникантов, что возможно только при желании их сотрудничества и вербально кодируется в соответствующий тип

предложений. Далее по частотности употребления следуют в группах “элита” и “средний класс” – компетитив, конвивиал и только потом – конфликтив. Отклонение от установленной тенденции наблюдается в социальной группе “люмпен”. Здесь конфликтив по частотности употребления выходит на третье место (23,3 %), в то время как конвивиал сдвигается на последнее (10,1 %). Следовательно, сам процесс речевой коммуникации можно определить не только как контакт и речевое взаимодействие носителей языка, но и как речевой конфликт между представителями различных социальных слоев.

Исходя из единства сознания и речевой деятельности, можно сделать вывод о том, что увеличение удельного веса конфликтив свидетельствует на знаковом уровне о социально зависимом положении группы “люмпен”, проявляющемся на вербальном уровне в виде защитного реагирования – конфликтива.

Отметим, что в текстах художественной литературы нет “фотографического воспроизведения” и “слепого копирования” конструктивных построений диалогической речи. С другой стороны, по словам Н.Ю. Шведовой, “художественная обработка материалов заключается не в изменении форм построения, не в отступлении от действующих правил языка, ... писатель берет соответствующие конструкции в их типичной форме, освобождая их от случайного, индивидуального, того, что фиксируется в записях как отступление от обычной нормы” [16, с.25]. Аналогичная позиция разделяется рядом других исследователей [8, с.174; 21, с.33].

Таким образом, употребление в персонажном диалоге определенных прагматических типов простого предложения является социально мотивированным: коммуниканты общаются друг с другом под постоянным социальным речевым контролем. Постулаты, относящиеся к кодексу речевого общения, определяют набор “правил”, разрешающих (или запрещающих) употребление тех или иных типов предложений в той или иной ситуации.

Можно сделать вывод, что социальный статус носителя языка предполагает наличие в языковом сознании индивида некой совокупности общих, присущих другим представителям этого статуса черт, что не исключает возможности реализации индивидуального потенциала в речевой деятельности.

Здесь явно прослеживается диалектическое единство противоположных тенденций развития языка. С одной стороны, язык есть средство объединения нации а языковую общность, а с другой, – средством социальной стратификации внутри этой общности. Фактически, проведенный анализ синтаксической структуры художественного текста в аспекте представления языковой личности персонажа, в перспективе позволяет воссоздание картины мира языковой социально-детерминированной личности как результата духовного формирования человека и важнейшего условия его существования.

Литература:

1. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка / М. Я. Блох // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц : в 2 ч. : [сб. статей к юбилею проф. Блоха М. Я.]. – Барнаул : БГПУ, 2004. – Ч. 1. – 2004. – С. 10-29.
2. Гинзбург Л. О психологической прозе / Гинзбург Л. – Л. : Сов. писатель, 1971. – 463 с.
3. Ейгер Г. В. Языковые способности : [учебн. пособие] / Г. В. Ейгер, И. А. Раппопорт, Г. Я. Узилиевич. – Харьков, 1992. – 132 с.
4. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Караулов Ю. Н. // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3-8.
5. Морозова И. Б. Функционирование различных типов диалогических единств в англоязычном художественном диалоге / И. Б. Морозова // Вісник Харківського державного університету. – Харків : Константа, 1996. – № 386. – С. 87-89.
6. Морозова И. Б. Структурно-организующая роль простого предложения в различных функциональных стилях и формах общения (на материале современного английского языка) : монография / И. Б. Морозова. – [2-е изд., доп. и расш.]. – Одесса : АО БАХВА, 1998. – 192 с.
7. Морозова И. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові: монографія / І. Б. Морозова. – Одеса : Друкарський дім, 2009. – 384 с.
8. Полищук Г. Г. Разговорная речь и художественный диалог / Г. Г. Полищук, О. Б. Сиротина // Лингвистика и политика. – М. : Наука, 1979. – С. 173-204.
9. Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика / Потапова Р. К. – М. : Наука, 1997. – 247 с.
10. Реферовская Е. А. Структура сегментированного предложения и словосочетания в индо-европейских языках / Реферовская Е. А. – Л., 1979. – 176 с.
11. Руденский Е. В. Социальная психология : [курс лекций] / Руденский Е. В. – М. : ИНФРА-М; Новосибирск : НГАЭиУ, 2000. – 222 с. – (Высшее образование).
12. Тарасова Е. В. Синергетические тенденции в современной лингвистике // Вісник Харківськ. нац. ун-ту. – 2000. – № 500. – С. 5-11.
13. Федькина Л. Н. Эмоциональное состояние человека и отражающая его лексика / Л. Н. Федькина // Вісник Харківського державного ун-ту. Система мови та мовленнєва діяльність. – 1996. – № 386. – С. 135-139.
14. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : “Республика”, 1993. – 447 с.
15. Холл К. С. Теория личности / К. С. Холл, Г. Линдсей ; [пер. с англ. И. Б. Гриншпун.]. – М. : Психотерапия, 2008. – 656 с.
16. Шведова Н. Ю. Основы построения описательной грамматики литературного языка / Шведова Н. Ю. – М. : Наука, 1966. – 200 с.
17. Karoly C. Kinds of Sentences Examined from Point of View of Function and Form / C. Karoly // Act a Linguistica. – Budapest, 1963. – Т. XIII. – F. 3-4. – P. 225-238.
18. Leech G. Principles of Pragmatics / Leech G. – London: Longman, 1983. – 250 p. – (Longman Linguistics Library).

19. Leech G. *A Communicative Grammar of English* / G. Leech, J. Svartvik. – [3rd ed.]. – London: Pearson ESL, 2003. – 456 p.
20. Mochler I. et al. *Language et pertinence: reference, temporelle, anaphore, connecteur et мйтаphore*. – Nancy: Press Univ., 1994. – 198 p.
21. Quine W. *Word and Object* / Quine W. – Mass. : M.I.T. Press, 1989. – 292 p.
22. Smith J. *Methodological Diversity: Advantages and Pitfalls* / J. Smith // *Language and Social Psychology*. – 1998. – September. – P. 32-41.
23. Психология личности. Словарь-справочник. – К. : Рута, 2001. – 319 с.
24. L'Amour L. *The Tall Stranger* / L'Amour L. – N. Y. : Bantam Books: Literary Express, 1999. – 134 p.
25. Blyton E. *The Mystery of the Disappearing Cat* / Blyton E. – London: Egmont Books Ltd, 2003. – 224 p.
26. O'Brien A. *A Busy Afternoon* / O'Brien A. – London ; Glasgow: Collins, Fontana Books, 1998. – 136 p.
27. Brown C. *The Stripper* / Brown C. – N. Y. : The New American Library of World Literature, Inc., 1983. – 127 p.
28. Cartland B. *The Wild, Unwilling Wife* / Cartland B. – London: Rommie Books, 1991. – 155 p.
29. Christie A. *The Murder of Roger Ackroyd* / Christie A. – London: HarperCollins Publishers Ltd, 2006. – 320 p.
30. Doyle A. *Come Back, Victoria!* / Doyle A. – Toronto : Harlequin, 1990. – 182 p.
31. McElfkesh A. *A Night Call* / McElfkesh A. – London: Penguin Books, 1970. – 150 p.
32. Murray V. *The Age of Consent* / Murray V. – London: Collins/Fontana Books, 1969. – 127 p.
33. Neville M. *Murder in Rockwater* / Neville M. – London, Glasgow: Collins/Fontana Books, 1988. – 184 p.
34. Tuttle W. C. *The Valley of Suspicion* / Tuttle W. C. – N. Y. : Bantam Books, 1988. – 143 p.